

Цао
Сюэ-
ЦИНЬ

Сон
в красном
тереме

Том 2

Цао
Сюэ-
ЦИНЬ

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

Том 2

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Ц16

Cáo Xuěqín
HÓNGLÓUMÈNG

Перевод с китайского *Владимира Панасюка*

Перевод стихов *Ивана Алексева* и *Арины Чететкиной*

Комментарии *Владимира Панасюка* и *Арины Чететкиной*

Художественное оформление *Натальи Ярусовой*

Цао Сюэ-цинъ.

Ц16 Сон в красном тереме. Том 2 / Цао Сюэ-цинъ ; [перевод с китайского В. Панасюка]. — Москва : Эксмо, 2025. — 960 с. — (Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями).

ISBN 978-5-04-182057-2

«Сон в красном тереме» — наиболее популярный из четырех классических романов на китайском языке. Это многоплановое повествование об упадке двух ветвей семейства Цзя, на фоне которого — помимо трех поколений семейства — проходит бесчисленное множество их сродников и домочадцев.

Роман позволяет погрузиться в повседневность Цинской державы XVIII века, в том числе заглянуть в такие уголки старокитайской жизни, о которых не сохранилось больше никаких сведений. Автор естественно и живо изобразил и описал многоликую социальную жизнь того времени, создал целый ряд типических характеров. Он искусно обрисовывает образы персонажей, сталкивающихся с противоречиями повседневной жизни в соответствии с их положением в обществе и статусом, а также умело оттеняет внутренние переживания героев с помощью художественной обстановки. В романе раскрывается истинная социальная подоплека постепенного распада феодального общества в поздний период его существования, находят отражение требования эпохи об освобождении личности и равенстве людей в правах, а также зачатки демократического духа.

**УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44**

- © Панасюк В.А., перевод на русский язык, комментарии. Наследники, 2025
- © Алексеев И.А., стихи, перевод на русский язык, 2025.
- © Чететкина А.С., стихи, перевод на русский язык, комментарии, 2025
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-182057-2

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

---

*в которой речь пойдет о том, как Бао-юй покрывал воровство,
чтобы, «бросая камень в крысу, не разбить вазу»
и как Пин-эр вершила справедливый суд, пользуясь своими правами*

И так, тетка Лю, выслушав мальчика-слугу, сказала:
— Ах ты моя обезьянка! Твоя тетя нашла себе старика! Разве теперь у тебя не стало на одного дядю больше? В чем же ты меня подозреваешь? Смотри, как бы я тебя не оттаскала за космы! Ну-ка, открывай скорей.

Все еще не открывая ворот, мальчик с улыбкой попросил:

— Тетенька, когда будешь возвращаться, принеси мне несколько абрикосов в награду! Я буду ждать здесь! Смотри не забудь, а то придешь ночью играть в кости и пить вино, я тебе ни за что не открою — можешь стучаться и звать кого хочешь.

— Сумасшедший! — выругалась тетка Лю. — Разве в нынешнем году у нас такие порядки, как раньше? Ведь сад отдан на откуп мамкам. Стоит на минуту остановиться под деревом, они так и впиваются в тебя глазами. А если тронуть фрукты!.. Твои родные тетки присматривают за садом, почему ж ты не просишь абрикосов у них, а вздумал обратиться ко мне? Это все равно, как если бы «крыса стала просить зерна у журавля»! Если зерна нет у крысы, живущей в амбаре, откуда ему быть у птицы, которая летает под небесами?!

— Ладно, — улыбнулся мальчик-слуга. — Зачем столько разговоров! Мне кажется, теперь я вам не нужен... Но хотя ваша дочка получила хорошее место, все равно ей не раз придется к нам обращаться! Без нас ей не обойтись!

— Ох и хитер ты! — улыбаясь, воскликнула тетка Лю. — Какое же это место получила моя дочка?

— Не притворяйся, я все знаю! — ответил мальчик. — Неужели ты думаешь, что только у тебя есть свой человек в доме?! Я прислуживаю у ворот, но в доме служат две мои сестры, занимающие положение. Так что не вздумай меня обманывать!

Разговор прервали женщины-служанки, которые кричали:

— Эй, ты, мартышка, передай тетушке Лю, пусть идет скорее!

Услышав голоса женщин, тетка Лю мгновенно поспешила к ним.

— Успокойтесь, я здесь, — отозвалась она.

Она вошла в кухню, где находилось несколько служанок: они не осмеливались хозяйничать и дожидались ее прихода.

— Куда ушла У-эр? — осведомилась у них тетка Лю.

— В чайную, к подругам, — ответили ей.

Тетка Лю поспешно спрятала порошок фулин и принялась рассылать ужин по комнатам девушек-служанок. В этот момент прибежала Лянь-хуа, маленькая служанка из дома Ин-чунь, и сказала тетке Лю:

— Сестра Сы-ци просила, чтоб ты прислала ей на ужин яйца всмятку.

— Больно дорого, — проворчала тетка Лю. — Не знаю, почему в этом году яиц мало, даже за десять монет яйцо не достанешь. Вчера господа посылали своим родственникам продукты и едва набрали две тысячи яиц, хотя покупать их ходили несколько приказчиков. А где я возьму яйца? Скажи Сы-ци, когда будут яйца, тогда и отвечает.

— Недавно она попросила соевого творога, а ты приготовила кислый, и мне за это попало, — вспомнила Лянь-хуа. — Сейчас она просит яиц, а ты отказываешь. Неужто яйца такая редкость? Я не верю, что у тебя их нет. Лучше не заставляй меня искать!

Тетка Лю не успела ответить, как девочка сняла крышку со стоявшего тут же ящика. В ящике лежало около десятка яиц.

— А это что такое? — ехидно улыбаясь, спросила она. — Вот ты какая! Почему жадничаешь? Не ты нас кормишь, а господа! Сама, что ли, снесла эти яйца? Почему не хочешь их отдавать?

— Не болтай! — прикрикнула на нее тетка Лю, прекратив работу. — Может быть, твоя мать несет яйца? Я оставила для барышень несколько штук на приправу. Если отдать их вам, а они вдруг потребуют — что я отвечу? Вы там живете безо всяких хлопот, «принесли воду — подставляй руки, принесли поесть — разевай рот». Для вас яйца вещь обычная, и вы не знаете, сколько они стоят на рынке!.. Но об этом я уж не говорю — погодите, пройдет немного

времени, и настанут такие денечки, что даже корешка от травы не сыщете! Я уговаривала их быть поскромнее — и так ведь каждый день едят рис, кур да уток. А они с жиру бесятся и что ни день устраивают скандалы. То им яйца, то соевый творог, то лапшу, то соленую репу — требуют что кому вздумается! Но я не вам прислуживаю. Если каждая служанка станет требовать для себя отдельное блюдо, придется готовить целый десяток и мне для самих господ некогда будет готовить.

— Кто это каждый день заказывает отдельные блюда? — покраснев от возмущения, закричала Лянь-хуа. — Ты наговоришь с три короба! Разве тебя здесь поставили не для того, чтобы ты готовила и для нас? Почему, когда недавно Чунь-янь сказала тебе, что Цин-вэнь просит приготовить для нее стебли сухой полыни, ты сама стала упрашивать ее съесть курочку или мясо? А когда Чунь-янь ответила, что мясное ей не нравится, и попросила приготовить нежирную лапшу, ты заторопилась, вымыла руки и сразу начала варить! Потом сама побежала туда и прислуживала ей, как собачонка! А теперь на мне решила отыграться и отчитываешь меня при всех!

— Амитофо! — всплеснула руками тетка Лю. — Вы только послушайте, что она болтает! С самого прошлого года так повелось, что, если кому-нибудь из барышень или служанок хочется поесть отдельно, они заранее присылают денег на покупку продуктов. Барышень и служанок наберется человек сорок, а то и пятьдесят, и каждый день они требуют по две курицы, по две утки да по десять-двадцать цзиней мяса. Посчитайте сами, может ли на это хватить связки монет, выдаваемой на овощи! С трудом удастся накормить всех два раза в день, а тут еще одна заказывает то, другая — это. Обычных блюд вы не едите, требуете чего-то особенного!.. Если хотите, попросите госпожу, чтобы вам прибавили жалованья и готовили так, как на главной кухне готовят для старой госпожи. Тогда можете переписать все блюда, которые есть в Поднебесной, и каждый день просить новые. Пройдет месяц, подсчитывайте и расплачивайтесь наличными! Позавчера третьей барышне Тань-чунь и барышне Бао-чап захотелось бобовых ростков, жаренных на масле, они прислали мне пятьсот медных монет. Но я только рассмеялась и сказала: «Если б у барышень были такие большие животы, как у Будды Матрейи, все равно им не съесть на пятьсот монет. На то, что они просят, требуется лишь двадцать-тридцать монет». И я понесла лишние деньги им обратно. Но они не приняли их и сказали, что это мне на угощение. И при этом добавили: «Нынче кухня у нас близко, поэтому, видимо, к вам ходят и кланчат то одно, то другое. Одному нужен уксус, другому соль — а все это

стоит денег. Не дать — нехорошо, а дать — никто не заплатит. Если не хочешь принять от нас подарок, можешь этими деньгами возместить то, что ты разда-ла». Это значит, что они сочувствуют слугам, и мы готовы молиться на них. Но тут, как назло, наложница Чжао узнала об этом. Она решила, что на нас деньги сыплются, как из мешка, и давай каждый день присылать к нам свою служанку. Прямо смешно! А вы с нее берете пример! Разве я могу на свои деньги делать все?!

Между тем Сы-ци, которой надоело ждать ужин, прислала другую служанку, чтобы поторопить Лянь-хуа.

— Ты что, подохла здесь? — закричала та, вбегая на кухню. — Почему до сих пор не принесла ужин?

Рассерженная Лянь-хуа покинула кухню и, возвратившись домой, рассказала Сы-ци о своем столкновении с теткой Лю, сильно сгустив краски. Девушка вся вспыхнула от возмущения.

Сы-ци только что вернулась от Ин-чунь, которой прислуживала за обедом. Остальные девочки-служанки уже ели. Увидев Сы-ци, они поспешно встали и предложили ей сесть. Однако Сы-ци, не обращая на них внимания, закричала:

— Все овощные блюда, которые принесли из кухни, выбросить собакам! Пусть на нас не наживаются!

Девочки переполошились, но не осмелились возражать и поспешили выполнить ее приказание, хотя некоторые пытались успокоить Сы-ци, уговаривая ее:

— Вы, барышня, неправильно поняли эту девочку! У тетушки Лю ведь не восемь голов, а только одна, неужели она осмелилась бы обижать вас?! А яйца сейчас действительно трудно достать! Но мы доказали тетушке, что она не права. Она поняла свою ошибку и готовит для вас то, что вы просили. Если не верите, барышня, пойдите сами и убедитесь!

Уговоры подействовали, и Сы-ци постепенно успокоилась. Девочки-служанки, не успевшие выбросить кушанья, снова принялись за еду. Правда, Сы-ци еще немного поворчала на них, но в конце концов все закончилось мирно.

Между тем тетка Лю тоже ворчала и гремела посудой, однако яйца сварила и велела отнести их Сы-ци. Сы-ци не хотела ничего принимать и все выбросила. Служанка, которая носила ей ужин, решила об этом умолчать, чтобы скандал не начался снова.

Оставшись одна, тетка Лю дала У-эр полчашки супа и полчашки рисового отвара, а затем рассказала ей о порошке гриба фулин. У-эр, услышав об этом, во

что бы то ни стало захотела подарить часть порошка Фан-гуань. Она отсыпала примерно половину, завернула в пакетик и, воспользовавшись тем, что наступили сумерки и все сидели по домам, решила пробраться в сад, намереваясь разыскать Фан-гуань.

Никем не замеченная, она добралась до ворот «двора Наслаждения розами». Однако сразу войти она сочла неудобным и остановилась поодаль в тени куста розы мэйгуй, наблюдая издали за тем, что происходит во дворе. Не прошло и времени, достаточного для того, чтобы выпить чашку чая, как из ворот вышла Чунь-янь. У-эр окликнула ее.

Чунь-янь сначала не поняла, кто ее зовет, но, подойдя поближе, узнала У-эр.

— Ты зачем здесь? — поинтересовалась она.

— Позови Фан-гуань, — попросила У-эр, — мне нужно с ней поговорить.

— К чему такая поспешность, сестра? — вкрадчивым голосом спросила Чунь-янь. — Она сама придет к тебе дней через десять! Зачем она тебе? Ее только что куда-то послали, и тебе придется подождать. Если тебе нужно ей что-либо сказать, я могу передать. Я боюсь, что ворота сада скоро запрут на замок, так что тебе нельзя здесь долго оставаться.

У-эр вынуждена была оставить ей пакетик.

— Это для Фан-гуань, — сказала она.

Затем она рассказала Чунь-янь, что находится в пакетике, как обращаться с порошком, сколько нужно принимать за один раз, и в заключение добавила:

— Я достала немного этого порошка и хочу подарить ей. Если тебя не затруднит, передай ей этот пакетик!

С этими словами У-эр повернулась и поспешила к выходу из сада. Когда она проходила мимо «отмели Осоки», ей повстречалась жена Линь Чжи-сяо в сопровождении нескольких женщин. У-эр не успела спрятаться — пришлось подойти и справиться о здоровье управительницы дворца.

— Ты здесь? — удивилась жена Линь Чжи-сяо. — Я слышала, ты больна.

— Сейчас я чувствую себя немного лучше, — ответила У-эр, — мы вместе с мамой ходили гулять, и она послала меня во «двор Наслаждения розами» кое-что отнести.

— Тут что-то не то, — усомнилась жена Линь Чжи-сяо. — Я только что видела, как твоя мать выходила из сада, и заперла за ней ворота. Если мать послала тебя сюда, почему она меня не предупредила? Почему позволила запереть ворота? Не врешь ли ты?

У-эр не знала, что ответить, и только произнесла:

— Мама посылала меня утром кое-что взять, но я забыла о ее поручении и только сейчас вспомнила. Она, наверное, думала, что я уже все сделала, поэтому ничего вам не сказала.

Растерянность и сбивчивый рассказ У-эр насторожили жену Линь Чжи-сяо, тем более что недавно Юй-чуань сообщила ей о пропаже в доме госпожи и о том, что допрашиваемые служанки решительно заявляли, что им ничего не известно.

В этот момент подошли Сяо-чань, Лянь-хуа и еще несколько служанок. Догадавшись, что здесь происходит, они посоветовали жене Линь Чжи-сяо:

— Вы бы задержали ее, госпожа Линь, да велели хорошенько допросить. Последние дни она то и дело бегает в сад, и никто не знает зачем.

— Это правда! — подтвердила Сяо-чань. — Вчера сестра Юй-чуань говорила мне, что у госпожи во флигеле взломали шкаф и утащили много вещей. Кроме того, вторая госпожа Фын-цзе послала барышню Пин-эр попросить у сестры Юй-чуань немного розовой эссенции мэйгуй, но оказалось, что пропала целая бутылка. Никто бы не узнал об этой пропаже, если б эссенция не понадобилась второй госпоже!

— Я ничего об этом не слышала, — вмешалась в разговор Лянь-хуа, — но бутылку от этой эссенции я сегодня видела.

— Где? — поспешно спросила жена Линь Чжи-сяо, которую Фын-цзе каждый день торопила поскорее расследовать случай кражи вещей из комнат госпожи Ван.

— На кухне, — ответила Лянь-хуа.

Взволнованная управительница приказала немедленно зажечь фонарь и отправилась на кухню устраивать обыск.

— Госпожа, мне эту эссенцию подарила Фан-гуань, служанка второго господина Бао-юйя! — пыталась оправдываться У-эр.

— Мне все равно, Фан-гуань или Юань-гуань*, — холодно отвечала управительница. — Если у тебя найдут краденую вещь, я доложу, а потом можешь оправдываться перед господами!

С этими словами она вошла на кухню, и Лянь-хуа услужливо показала ей место, где стояла бутылка из-под розовой эссенции. Предполагая, что здесь могут оказаться и другие краденые вещи, жена Линь Чжи-сяо приказала обыскать всю кухню. Был найден пакетик с порошком гриба фулин. Бутылку и порошок забрали, а У-эр повели к Ли Вань.

Надо сказать, что вследствие болезни сына Ли Вань стала уделять мало внимания хозяйственным делам, поэтому она отослала всех к Тань-чунь. Однако

Тань-чунь уже ушла домой. Когда все приблизились к дому Тань-чунь, девушка умывалась, а ее служанки сидели во дворе и наслаждались свежим воздухом. Ши-шу вошла в дом, чтобы доложить о приходе жены Линь Чжи-сяо, однако через некоторое время она вышла и сказала:

— Барышня Тань-чунь велела передать, чтобы вы шли к Пин-эр и попросили ее сообщить обо всем второй госпоже Фын-цзе.

Фын-цзе уже собиралась ложиться спать, но, когда узнала о происшедшем, распорядилась:

— Надо дать матери У-эр сорок палок, и пусть ее больше никогда не выпускают в ворота! У-эр пусть тоже дадут сорок ударов и отправят в деревню, а затем продадут или выдадут замуж.

Пин-эр передала приказание Фын-цзе управительнице. Но тут У-эр бросилась перед Пин-эр на колени и подробно рассказала, как Фан-гуань подарила ей эссенцию.

— В таком случае расспросим завтра Фан-гуань и узнаем истину, — ответила Пин-эр. — А что касается порошка фулин, то его прислали лишь позавчера, и пока старая госпожа и госпожа Ван не видели его, ничего нельзя было трогать, тем более красть.

Тогда У-эр рассказала, что порошок подарил ей дядя, которому тоже преподнесли его в подарок.

— Выходит, ты совсем не виновата, — улыбнулась Пин-эр, — и страдаешь по вине кого-то другого! Но сейчас уже время позднее, госпожа Фын-цзе отдыхает, и неудобно ее тревожить по всяким мелочам. Посиди-ка ночь под присмотром, а утром я обо всем доложу госпоже, и тогда выясним, кто прав, кто виноват.

Жена Линь Чжи-сяо не осмелилась возразить, увела У-эр и приказала женщинам строго присматривать за девочкой и не отпускать ее от себя ни на шаг.

Когда управительница ушла, женщины стали укорять У-эр:

— Ну зачем ты вздумала заниматься такими неблагоприятными делами?

Другие же выражали недовольство и ворчали:

— И так по ночам нет покоя, а тут еще заставили сторожить эту воровку! Если мы недосмотрим, а она порешит с собой или убежит, опять будем виноваты мы!

Нашлись и такие, которые давно ненавидели семью Лю и, воспользовавшись моментом, стали злорадствовать и насмехаться над девочкой.

У-эр была возмущена несправедливостью, ее душил гнев, но жаловаться было некому. К тому же она была робкой девочкой. Ей хотелось чаю, но она боялась

попросить, хотелось спать — а одеяла и подушки не было, просить же она не смела. Оставалось только плакать целую ночь.

А в это время служанки, не ладившие с теткой Лю и с У-эр, только зло посмеивались и не могли дожидаться, пока их врагов накажут и выгонят из дворца Жунго. Их бросало в дрожь при мысли, что утром обстоятельства могут измениться, поэтому, встав пораньше, они побежали с подарками к Пин-эр, надеясь, что она за них замолвит словечко и поможет им избавиться от недругов. При этом они, не жалея красок, старались описывать пороки У-эр и ее матери.

Пин-эр терпеливо выслушала всех, а когда они ушли, отправилась к Си-жэнь и спросила ее, подарила ли Фан-гуань девочке розовую эссенцию мэйгуй.

— Бао-юй дал эссенцию Фан-гуань, — подтвердила Си-жэнь, — но кому отдала ее Фан-гуань, я не знаю.

Си-жэнь стала расспрашивать у Фан-гуань, и та, напуганная расспросами, призналась, что отдала эссенцию У-эр, а когда все ушли, она рассказала об этом Бао-юйю.

— С эссенцией мэйгуй уже разобрались, и все обошлось, — ответил ей взволнованный Бао-юй. — Но если начнут допытываться о порошке фулин, У-эр, конечно, расскажет все как было на самом деле. А когда узнают, что его подарил дядя, который прислуживает у ворот, он окажется во всем виноватым. Таким образом, человек пострадает за свою же доброту.

Он тотчас позвал Пин-эр и сказал ей:

— Дело с эссенцией закончено, но как быть с порошком? Пусть лучше У-эр скажет, что порошок ей тоже дала Фан-гуань.

— Конечно, это было бы хорошо, но только она вчера вечером во всеуслышание заявила, что порошок ей дал дядя, — возразила Пин-эр. — Как же ей теперь признаться, что порошок от тебя? И тот порошок, что пропал у госпожи, еще не найден! Если вещественные доказательства кражи обнаружены, разве можно простить девочку и искать другого виновного? Кто сознается?.. Да и всем остальным вряд ли это понравится!

— Зачем вы говорите глупости? — приблизившись к ним, с улыбкой сказала Цин-вэнь. — Порошок у госпожи украла Цай-юнь и подарила его Цзя Хуаню.

— А кто об этом не знает! — воскликнула Пин-эр. — Юй-чуань так убивается! Надо потихоньку допросить Цай-юнь, и если она сознается, ее оставят в покое, да и других служанок перестанут допрашивать. А через некоторое время никому не захочется впутываться в это дело! Жаль лишь, что Цай-юнь до сих пор не признается и всю вину взваливает на Юй-чуань, уверяя, будто порошок

украли она! Эти девушки живут как кошка с собакой, все в доме знают, как они грызутся. Разве при таком положении мы можем оставаться в стороне?! По крайней мере, мы должны все хорошенько проверить. Недаром говорят: «Кто обвиняет потерпевшего — сам вор». Но как мы можем обвинять Цай-юнь, если у нас нет доказательств?!

— Ладно, — решил Бао-юй, — всю вину я возьму на себя. Скажу, что просто пошутил, желая напугать Цай-юнь и Юй-чуань, поэтому стащил у матушки порошок. Таким образом, оба дела прекратятся.

— Конечно, убережь человека от репутации вора — дело доброе, — согласилась Си-жэнь. — Но если твоя матушка об этом узнает, опять скажет, что ты ведешь себя как мальчишка.

— Ерунда, — возразила Пин-эр. — Послать людей найти краденое в комнате наложницы Чжао очень просто, только при этом можно повредить кое-чьей репутации. О других можно было бы не заботиться, но этого человека задевать не стоит. Не хочется, «бросая камень в крысу, разбить вазу».

Она подмигнула и подняла кверху три пальца. Си-жэнь поняла, что речь идет о третьей барышне Тань-чунь.

— В таком случае разумнее всего, чтобы Бао-юй принял вину на себя, — поспешно заявили все, кто здесь присутствовал.

— А по-моему, нужно позвать Цай-юнь и Юй-чуань и хорошенько их допросить, — предложила Пин-эр. — Иначе они подумают, будто я глупа и ничего не могла выяснить, — они ведь не знают, из-за кого мы так делаем. Если мы это дело так оставим, они еще больше пристрастятся к воровству, и мы с ними ничего не сможем поделаться.

— Верно, — одобрительно заметила Си-жэнь, — нужно и о себе подумать! Пин-эр распорядилась позвать двух служанок.

— Можете не волноваться, воровку уже нашли, — сообщила она девушкам.

— Кто же это? — вырвалось у Юй-чуань.

— Сейчас ее допрашивают в комнате второй госпожи Фын-цзе, и она во всем призналась, — ответила Пин-эр. — Но я сразу поняла, что она не виновата, и мне очень жаль, что она от страха сознается в том, чего не делала. Второй господин тоже жалеет ее и хотел взять часть вины на себя. Я могла бы раскрыть это дело, но вся беда в том, что настоящая воровка со мной в дружеских отношениях. С хозяйкой дома, где лежит украденное, можно было бы особенно не считаться, и пропажа легко бы нашлась, но я не хочу повредить репутации одного хорошего человека. Вот я и попала в затруднительное положение. Приходится

просить второго господина Бао-юйя принять на себя всю вину. Что вы об этом думаете, я вас спрашиваю? Если вы обещаете впредь соблюдать осторожность и заботиться о собственной репутации, второй господин на этот раз примет вину на себя; иначе я сейчас же доложу обо всем госпоже Фын-цзе и попрошу ее, чтобы она зря не обижала невинную.

Цай-юнь невольно покраснела и от стыда готова была провалиться сквозь землю.

— Не волнуйтесь, сестра! — сказала она. — Незачем обвинять честного человека! Раз уж дело приняло такой оборот, я все скажу! Наложница Чжао много раз просила меня достать этого порошка для Цзя Хуаня, и я взяла его у госпожи. Я виновата! Когда госпожа бывала дома, мы часто брали порошок и дарили другим. Я думала, что и на этот раз все сойдет благополучно. Но я не могу допустить, чтобы обвиняли невинного! Отведите меня ко второй госпоже Фын-цзе, сестра, я во всем признаюсь.

Все были поражены откровенным признанием Цай-юнь.

— Ты всегда была честной, сестра Цай-юнь! — воскликнул Бао-юй. — Не нужно ни в чем признаваться, я скажу, что сам утащил порошок, чтобы вас припугнуть, но, поскольку поднялся скандал, решил открыться. Только прошу вас, сестрицы, впредь будьте благоразумнее, это для всех будет лучше!

— Зачем вам брать вину на себя, если все это сделала я? — настаивала на своем Цай-юнь. — Пусть будет что угодно, отвечать должна я!

— Не говори так! — поспешно остановили ее Пин-эр и Си-жэнь. — Если ты признаешься, в это дело окажется замешанной и наложница Чжао, а если об этом узнает третья барышня Тань-чунь, она будет сердиться! Если же всю вину примет на себя Бао-юй, никто не пострадает! Ведь об этом, кроме нас, никому не известно!.. Только впредь будьте осторожнее!.. Захотите что-нибудь взять, лучше подождите приезда госпожи Ван! Тогда, если вы даже весь дом раздадите, мы будем в стороне.

Цай-юнь опустила голову, немного подумала и согласилась.

Уговорившись обо всем, Пин-эр отвела в сторону обеих служанок и Фан-гуань, затем позвала У-эр и велела ей в случае расспросов говорить, что порошок гриба фулин она получила от Фан-гуань. У-эр бесконечно благодарила ее за милость.

Затем Пин-эр повела девушек к себе. Здесь уже находилась жена Линь Чжисяо с несколькими женщинами, охранявшими тетку Лю. При появлении Пин-эр она доложила: